

Я проснулась в холодном поту. Моё тяжелое, хриплое дыхание отчетливо слышалось в предрасветной тишине. За окном тускло светила луна, на которую сейчас медленно наползало густое тёмно-серое облако. «Что это мне такое приснилось», задалась вопросом я, снова опускаясь на подушку и закрывая глаза.

Вспомнить так ничего и не удалось. Я намеревалась снова забыться сном, однако, пролежав с закрытыми глазами несколько минут, осознала, что совершенно не хочу спать. Более того, сердце в груди билось с такой яростной силой, будто оно увеличилось минимум в два раза. Я слышала как оно колотится в грудную клетку, словно собираясь вырваться наружу. Так же в висках хорошо ощущалась пульсация крови.

Распахнув глаза, я уставилась в потолок. Несколько раз моргнув, сфокусировав зрение и приспособившись к полутьме я заметила что потолок рассекает трещина, около пяти сантиметров шириной. Она брала своё начало в одной из стен и обрывалась над окном. От окна, кстати, осталась одна лишь рама, и ветер тихонько посвистывал, свободно врываясь в комнату. Жутко перепугавшись, я продолжала лежать в постели, не в силах пошевелиться. Оставалось только надеяться, что я до сих пор сплю.

Медленно переведя взгляд на стену я обратила внимание на лоскуты свисающих обоев. В стене так же имелось несколько трещин, правда, не таких больших как та, что криво ухмылялась с потолка.

Моя люстра, состоящая из множества навешанных на крепление хрустальных шариков, отныне представляла из себя жалкое зрелище – всего три шарика осталось на покосившемся креплении, а лампочка в патроне отсутствовала.

Пол комнаты кто-то превратил в настоящую свалку, вывалив на него целые горы мусора, ну а приоткрытая, покосившаяся дверь, из последних сил цеплялась за единственную уцелевшую петлю. За дверью простиралась непроглядная тьма, а ведь там, в коридорчике, постоянно горел небольшой ночничок, и мама никогда не забывала включать его перед сном.

Однако никакая разруха вокруг не могла сравниться с тем, что произошло с моим собственным телом. Чувствовала я себя совершенно не в своей тарелке – казалось, я стала занимать в два раза больше места на своей небольшой кровати. Да только вот это больше не была моя уютная, мягкая, небольшая кровать. Этот сколоченный из кривых досок монстр, больше напоминал выброшенную на берег лодку, разбившуюся о скалы.

И завершающим штрихом выступила вонь. О да, с отвратительным видом тех лохмотьев, которые я поначалу приняла за одеяла, способен был сравниться только их «аромат». Не понимаю, как я сразу этого не ощутила.

— Ма-а-ам!

«Что с голосом? Хриплый, грубый, совсем не похожий на мой. Да что же со мной происходит», загорались обжигающим пламенем в голове вопросы. Я попыталась прокашляться. Кашель так-

же звучал довольно грубо.

Сбросив с себя лохмотья, я обнаружила что спала одетой. В темных штанах, из какого-то плотного материала, и рубахе из такого же плотного материала. К тому же на ногах красовались подбитые металлом ботинки, а талию опоясывал широкий ремень, черного цвета.

Прижав руки к лицу, намереваясь протереть глаза, я вдруг ощутила под ладонями самую настоящую щетину. Кожа на ладонях почему-то стала грубой, с несколькими бугорками, которые при ближайшем рассмотрении оказались жесткими мозолями.

Я медленно села на край кровати, ощупывая чужое лицо не своими руками. Не в силах поверить в происходящее я поднялась и направилась к перекошенной двери. Как оказалось, даже ходить теперь было трудно – мало того что я стала выше сантиметров на десять, так ещё и центр тяжести сместился в другое место.

Преодолев трудности с ориентацией в пространстве и балансом, я наконец оказавшись за дверью. Где чуть не свалилась, подвернув ногу, правда не по своей вине – отсутствовало большинство досок, которыми раньше был выложен пол. Их осталось всего три, да и те пошатывались. Идти по такому вот импровизированному мостику сейчас, в темноте, да ещё и не освоившись с новым телом, было верхом глупости, однако мыслить здраво я в данный момент была не в состоянии – слишком уж невероятным и нереальным казалось всё происходящее.

И только добравшись до комнаты родителей, обернувшись, я поняла насколько мне повезло. Даже в спокойной, а не столь стрессовой обстановке и с нормальными параметрами тела, пройти отрезок пути по коридору в непроглядной тьме и не упасть, да ещё по расшатанному мостику из трёх досок – подобный подвиг едва-ли был доступен обычной девушке-подростку.

К счастью, здесь, в самой большой комнате нашей квартиры было намного светлее. Правда по помещению свободно гулял ветер... который вообще ничего не сдерживало, так как внешней стены более попросту не существовало, так же, как и балкона, что раньше примыкал к этой комнате.

Зависнув на краю обвала, придерживаясь за стену, я бросила осторожный взгляд вниз. Там, на земле, несмотря на достаточно скудное освещение, которое предоставляла надкушенная бледная луна, даже с моего, третьего этажа, можно было разглядеть огромную груду обломков. Похоже, железные балки, на которых держались балконы проржавели и больше не могли выдерживать вес железобетонных конструкций. Два верхних этажа нашей пятиэтажки тоже остались без балконов, да и без внешних стен заодно.

Осмотревшись в комнате родителей, я обнаружила большое зеркало. Перед ним обычно красилась мама, ну и я в последнее время, всё-таки мне уже исполнилось семнадцать. Некогда шикарный, дорогой любой женщине предмет интерьера, как и вся остальная квартира, не сумел избежать печальной участи, потеряв кусочек стекла справа внизу, а вся его отражающая поверхность сильно потемнела. И хотя стекло кто-то тщательно оттер, на нём до

сих пор виднелись следы копоты. Значить это могло лишь одно – кроме ветров, тут и огонь успел погулять вволю.

Однако если разрухе вокруг и отсутствию родных можно было найти какие-никакие разумные, логические объяснения и обоснования, то вот продолжать верить своим глазам с этого момента я отказалась наотрез.

Из зеркала на меня уставился парень, лет двадцати пяти, с черными, как ночь волосами и светло-зелёными, почти желтыми глазами. Его одежду можно смело было принять за ту, что обычно напяливают на себя наши так называемые бомжи, которые копаются в мусорных контейнерах. Правда, этот странный юноша на себя ещё и куски металла, то здесь, то там, зачем-то нацепил.

Естественно, во всём этом великолепии, запах от меня исходил соответствующий. Уж не знаю почему, но зрительный осмотр повысил мою обонятельную чувствительность, так что вонь я теперь ощущала гораздо лучше и отчётливее.

Мылась я похоже очень давно, если вообще когда-нибудь мылась. Хотя нет, я-то мылась вчера, перед тем как лечь спать, а вот обладатель данного тела, видимо, считал что мыться – это лишняя трата времени.

Ужасно зачесалась голова и пошкрябав грязными ногтями по не менее грязным волосам в очередной раз, я осмотрела мозолистую ладонь вроде-как принадлежащую отныне мне, разглядев на ней копошащегося мелкого паразита. А вот этого стоило ожидать – грязь и антисанитария, в которую погрузилась моя комната и полуразрушенная квартира, создавали для этих гадов благоприятные условия жизни. Странный парень про гигиену не слышал, вот они на его голове и поселились.

Ярость и отвращение смешались во мне, и я раздавила насекомое, а затем попыталась вытереть руки о штаны. Только вот чище ладони не стали, на них лишь появились новые пятна, заменив собой останки убитого создания. Брезгливо тряхнув руками, мне захотелось избавиться от наряда этого бродяги, в чьё тело по странному, но несомненно злему стечению обстоятельств, попало моё сознание, однако раздеться оказалось не так-то просто.

Терпение и труд, как известно, всё преодолевают и провозившись несколько минут мне, всё-таки, удалось это сделать. Выдохнув с шипением воздух, стащив с себя наконец, штаны, я уже собиралась расслабиться, но не тут-то было!

Очень странные чувства обуяли меня, когда я выпрямилась и поглядела в зеркало. Рассматривать своё обнаженное тело, и видеть совсем не то, что привыкла, удовольствие, по крайней мере в таких-вот как сейчас обстоятельствах, мягко говоря, сомнительное.

Повертевшись, стараясь не обращать внимания на въевшуюся в кожу грязь, я пока не опускала взгляд ниже пояса. Торс юноши, как и его лицо, если сбрить щетину, выглядел вполне прилично или даже, с небольшой натяжкой, привлекательно. Крепкие руки и широкие плечи,

хорошо развитая мускулатура, такой типаж мне нравился всегда. А вот шрамы по всему телу портили картину – слишком уж много их было. Однако эти бледные рубцы ясно дали понять, что за жизнь вёл до сего момента этот молодой человек.

Краснея и жутко смущаясь, я наконец опустила взгляд вниз и прикоснулась к тому, что болталось чуть ниже пояса. То ли от прикосновения, то ли от смущения кровь, разгоняемая мощными толчками сердца, хлынула туда неудержимым потоком, и я почувствовала как эта штукавина начала быстро увеличиваться и твердеть. Я мгновенно отдернула руки, отошла от зеркала и сгорая от стыда уставилась в потолок. Пульсация крови ощущалась с невероятной силой, а мне всё никак не удавалось успокоиться...

Осень уже полностью вступила в свои права, а так как внешняя стена отсутствовала, да ещё и время пробудиться мне выпало предрассветное, холод очень быстро напомнил о себе неприятными поглаживаниями по обнажённой коже.

Подобрав снятую недавно одежду с пола, я поспешно начала натягивать её на себя, при этом стараясь не обращать внимания на то, что происходило с тем, не моим органом. Влажный, бодрящий утренний воздух помог успокоиться, вот только теперь меня бил мелкая дрожь. Натянув на ноги тяжёлые ботинки, я медленно направилась в свою комнату.

Уж не знаю, благодаря-ли инстинктам обладателя моего нового тела, или мне снова улыбнулась удача, но и в этот раз я как-то умудрилась не свалиться в тёмном коридорчике. Единственной, наверное, на сегодня радостью было ощущение силы и мощи в мышцах рук и ног. Раньше тяжесть на ногах в виде монструозных ботинок вылилась бы в настоящую проблему, однако сейчас я совершенно не чувствовала веса этих, подбитых металлом громадин.

Несмотря на отвращение, я снова забралась в кровать, под те лохмотья, которые являлись жалкой пародией на одеяло, чтобы хоть как-то согреться. Зажмурившись и закусив губу, я принялась мысленно жалеть себя и проклинать судьбу. «За что мне это всё, что я сделала плохого», спрашивала в сердцах я, но ответов не получала. Комок подступил к горлу. Раньше я бы уже громко и с надрывом рыдала, но человек которым я стала, похоже, попросту не умел этого делать. Скупая слезинка всё-таки скатилась по щеке и незаметно для себя самой я заснула.

Почувствовав тёплое, мягкое прикосновение осеннего солнышка на своём лице, я проснулась. Некоторое время продолжая лежать с закрытыми глазами, я с надеждой цеплялась за мысли о том, что ночью мне просто приснился кошмар.

Однако чаяньям моим не суждено было воплотиться в жизнь. Лёгкий ветерок, который ну никак раньше не мог проникнуть в комнатку сквозь закрытые по осеннему времени окна, доносил до моего обоняния те самые неприятные запахи, что витали здесь при прошлом пробуждении. В том самом «сне», который грозил сейчас оказаться горькой явью.

Деваться некуда – пришлось открывать глаза в этой странной реальности, оказываясь от сладких грёз о прошлой, нормальной жизни.

С потолка мне снова криво ухмыльнулась гигантская, уродливая трещина. Теперь сквозь неё можно было разглядеть комнату четвертого этажа. Так же уныло свисали со стен обрывки по-серевших обоев, да и груды мусора ни на сантиметр, с тех пор как я уснула, не уменьшились.

И несмотря на неприятный запах, очень хотелось есть и пить, так что пришлось выбираться из-под вонючих, но тёплых одеял. Поднявшись и пошарив по комнате, я обнаружила небольшой поломанный холодильник, в котором притаились две пятилитровые пластиковые бутылки с более-менее чистой водой.

Вдоволь напившись я направилась к выходу. Несмотря на голод, я так и не рискнула притронуться к тому, что лежало на верхней полке холодильника – несколько кусочков чего-то, отдалённо напоминавшего вяленое мясо, не внушившего к себе никакого доверия.

Выбравшись из дома я принялась бродить по моему родному небольшому городку, со всего одной улицей, и несколькими десятками, построенных вдоль центральной дороги, пятиэтажных домов. Ещё во времена Советского Союза деда и прадеда возвели сей посёлок для семей военных.

Правда воинскую часть расформировали и разворовали после распада СССР поэтому городок начал медленно гнить. Но люди здесь жили хорошие, дружные и трудолюбивые – по старой привычке они продолжали содержать дворик и прилегающий парк со стадионом в чистоте.

Вот только в этой реальности от былой чистоты вообще ничего не осталось. Маленький городок, в котором прошло всё мое детство, теперь лежал в руинах. Из окон исчезли стёкла. Двери, если где и виднелись, имели жалкий вид. Растения росли прямо на домах, вгрызаясь в камень корнями и разрушая строения. Несколько домов частично обрушилось, открывая взгляду некогда обитаемые комнаты.

Я обошла городок несколько раз, так ни единого человека и не повстречав. Видела несколько белок на деревьях, хотя раньше в наших краях этих милых, маленьких зверушек вроде-как не водилось. Однажды мне показалось, что я заметила довольно крупную собаку, которая скрылась из виду, не дав возможности себя рассмотреть. Заглянув во все местные магазины, я не нашла ничего полезного или съедобного – похоже, тут уже побывали до меня, и тщательно всё обыскали.

Выбираясь из очередного магазина, я услышала странный звук, донёсшийся откуда-то изда-лека. Он мне показался до боли знакомым, но я так и не смогла вспомнить, где я его раньше слышала. Мои мысли были заняты другим, и я не придавала этому большого значения.

Забравшись в один из соседних домов и обыскав несколько квартир, я быстро поняла, что занятие это бессмысленное – как и в случае с магазинами, ничем полезным там разжиться не удалось. Однако просто сидеть и ничего не делать я не могла, потому продолжала свои поиски

пока солнце не опустилось к горизонту и не начало темнеть.

Уставшая, голодная и злая, вернувшись в свою комнатку, я обнаружила что за время моего отсутствия здесь похозяйничали какие-то животные. На холодильнике виднелись свежие следы от чьих-то маленьких коготков. Лохмотья, которыми была застелена кровать валялись неподалёку, а на их бывшем месте, похоже, кто-то устроил небольшую потасовку. Так же я нашла несколько клочков рыжеватой шерсти, которых раньше, вроде-как, здесь не было.

За неимением лучших вариантов, преодолевая отвращение, я медленно пережёвывала подозрительные куски мяса из холодильника, запивая прохладной водой. Ну а после сей царской трапезы пришлось снова забираться в постель и укрываться дурно пахнущими лохмотьями.

Натягивая на себя это «одеяло», я вспоминала о прошедшем дне и размышляла о том, что делать дальше: «без пищи и воды долго протянуть не получится, а последние запасы еды я только что приговорила, да и воды хватит только на первое время». Мне стало по-настоящему страшно – что если кроме меня, в мире вообще не осталось людей. Снова захотелось заплакать, однако вместо этого в памяти вдруг возник тот странный звук, который я слышала днём.

Засыпала я с улыбкой на лице, ведь вспомнила, что это был за звук и где его раньше слышала. Мысли табунами сумасшедших лошадей носились в голове, но усилием воли я заставила себя заснуть – завтра мне предстояло небольшое путешествие, однако к нему ещё предстояло подготовиться, а для этого необходимо хорошенько выспаться.

«Как же неудобно пользоваться этой штукой» мелькнула, вдруг, запоздалая мысль. Память, насмехаясь, оживила мои сегодняшние похождения. А именно то, как я пыталась сходить в туалет. Я краснела каждый раз когда приходилось прикасаться к той штуковине.

Да что там, даже держать его в руках так, чтобы не обмочить себя, при этом не перекрыв путь жидкости, оказалось крайне непросто. И это ещё не самое страшное. Самым страшным оказалось то, что он сразу начинал «включаться», а после не получалось сделать уже вообще ничего. После второй неудачной попытки я решила, что гораздо проще и удобнее все эти дела делать как раньше, присев на корточках...

Поднявшись с первыми лучами солнца, я принялась тщательно обыскивать комнату. Это, конечно, следовало сделать в первую очередь, но мыслить рационально было не так-то просто в сложившихся обстоятельствах. С другой стороны – я же не знала, что творится снаружи, вдруг там меня встретили бы спасатели, и отвели бы к родителям, возвратив в нормальное тело.

Разворошив очередную кучу мусора, ту которая находилась в ближайшем к кровати углу, я нашла вместительный рюкзак, серого цвета. В одном из его отстёгивающихся кармашков оказался спрятан небольшой перочинный ножик, половина свечки и даже коробок спичек. Коробок кто-то бережно запечатал в пакетик так, чтобы влага не могла до него добраться.

Порывшись ещё немного, я обнаружила в чреве рюкзака аккуратно смотанную верёвку, где-то с половину сантиметра в диаметре с металлической «кошкой» на конце. Там же находились какие-то другие металлические приспособления, но их предназначение так и осталось для меня загадкой. Поместив в рюкзак один из пятилитровых бутылей с водой, я выбросила из него все непонятные вещицы.

Нацепив находку себе на плечи, осматривая свою комнату напоследок, откуда-то из подсознания всплыла горькая мысль: «возможно я больше никогда не вернусь, а ведь здесь прошло все моё детство». Очень уж жалостливой получилась эта мысль из-за чего сердце предательски защемило.

Задерживаться дольше смысла не имело, так что я поспешила покинуть вымерший городок. Дорога за городской чертой, сколько я себя помнила, была выложена железобетонными плитами. Городок-то строился всего лишь как придаточный микрорайон, присоединенный к воинской части, а значит, и дороги укладывали на совесть, с расчётом на то, что они обязаны выдерживать вес тяжелой боевой техники.

Однако природа и здесь показала свою силу. Из щелей и стыков между плитами торчали зелёные острова пушистой травы, а по обочинам росла уже не только трава. Кое-где виднелись кусты, а кое-где пусть даже невысокие и кривые, но самые настоящие деревья. Своими корнями они слегка приподнимали многотонные каменные блоки, либо опутывали их со всех сторон, как только могли.

Вдоль дороги, на некотором от неё отдалении, для защиты от ветров с полей люди когда-то высадили в рядок деревья, которые в последствии подрезали электрики, чтобы те не задевали провода ветками. Правда это было раньше, в той, другой, нормальной жизни.

Сейчас же, деревья, широко раскинув ветви-руки, укрывали от моего взора некогда плодородные поля, с которых аграрии обычно собирали пшеницу или подсолнух, или ещё какую сельскохозяйственную культуру. Проводов, так же, как и столбов теперь видно не было. Изредка встречались небольшие кучки светлого камня, лишь напоминающих об их былом существовании. Я неспешно брела по дороге, и заметив небольшой просвет между деревьев, свернула с дороги чтобы взглянуть как же обстоят дела с полями теперь.

Вместо вспаханной по осени земли, передо мной предстала равнина, поросшая густой травой. В некоторых местах, вымахав похоже уже в свой полный рост, торчали кривые деревья, и небольшие кусты. И никаких следов пребывания человека. Вернувшись на мощёный тракт, я продолжила свой путь. Идти предстояло не так чтобы очень долго, но мешкать всё равно не стоило.

Дважды за время небольшого путешествия мне повезло встретить плодовые деревья. Яблоню, я чуть было не прошла мимо, поглощенная мыслями. Плоды на ней оказались маленькими, жёлтыми, так что не сразу и заметишь среди осенних, играющих разными красками листьев.

Зато потом я уже внимательнее всматривалась в деревья, которые росли по обеим сторонам до-

роги, благодаря чему разглядела за высокой Акацией небольшой Орех. Солнца ему почти не доставалось, поэтому он раскинул свои ветви с крупными листьями как можно шире. Набрав рюкзак ещё и орехов, с удовольствием ими же и перекусив, в хорошем расположении духа я вышла к месту своего назначения.

Высокая насыпь выныривала из-за деревьев и, прижавшись к дороге, располагалась дальше параллельно ей. Из неё торчали огромные столбы, державшие на себе вес множества проводов. Как же сильно я обрадовалась, когда выбралась на самый верх и обнаружила блестящие чистые рельсы. Именно звук проезжающего поезда я услышала вчера, и лелеяла надежду, что не ошиблась: «судя по всему, поезда здесь ходят если не часто, то регулярно».

Пришлось ещё немного пройти по шпалам, дабы остановиться посерединке прямого и длинного отрезка пути, где несложно было бы разглядеть следующий в любом направлении состав издалека. Выбрав местечко помягче, на одном из склонов, я развалилась, выковыривая из зубов остатки застрявшей кожурой от яблок травинкой. «Как же не хватает зубной щётки и пасты! А ещё ванной, чтобы отмокнуть, отмыть въевшуюся грязь... и шампунь, да! Это было бы божеественно...», я зажмурилась, представляя как принимаю ванну. Замечтавшись, я и не заметила, как меня сморил сон.

Пробуждение в этот раз выдалось неприятно шумным. Мимо неспешно проплывали гружёные вагоны, покрытые слоем грязи и пыли, голова поезда благополучно скрылась из виду, так что догнать её не представлялось никакой возможности. «Дура! Как вообще можно было проспать!? Когда теперь следующего ждать», ругала я себя, закусив до крови губу. Последний вагон, прокатился мимо, равномерно стуча колёсами. «Ну уж нет, у меня билетик именно на этот поезд».

Рванув за последним вагоном изо всех сил, я медленно нагоняла состав. Раньше, с тяжеленными ботинками на ногах и загруженным более чем наполовину рюкзаком за спиной, я бы, наверное, даже ходить нормально не смогла. Однако это было в той, другой жизни, где моё тело выглядело и ощущалось иначе.

Сердце гулко колотилось в груди, дыхание с шумом вырывалось сквозь стиснутые зубы, мышцы работали словно какие-то механизмы, не зная усталости. Я вошла в раж, и сделав ещё один рывок оказалась на расстоянии вытянутой руки от металлической конструкции вагона.

Однако ухватиться за него не получалось – скорость, тряска, к тому же, я ещё не полностью освоилась с длинными ручищами и широкими плечами. «Ладно, если не получается так, сделаем по-другому», мелькнула мысль и собрав все силы я прыгнула вперёд схватившись обеими руками за межвагонное соединение.

Резкая боль пронзила правую ногу – похоже, за что-то зацепившись во время прыжка, я её достаточно сильно повредила. Но на то, чтобы себя пожалеть время выдалось, мягко говоря, неподходящее, поэтому, стиснув зубы, не обращая внимания на боль, я взобралась на более-менее удобную площадку.

О том чтобы попытаться по вагонам добраться до головы поезда теперь не могло быть и речи. Но я всё равно оставалась довольной. «Лучше плохо ехать, чем хорошо идти», вспомнилась поговорка.

Постукивая колёсами, поезд тащился часа три-четыре к ряду без остановок, не набирая скорость, но и не сбавляя её. Боль в ноге немного стихала, а вокруг постепенно начали меняться пейзажи.

Радую глаз попадались обработанные, вспаханные людьми поля, однажды даже трактор вдали мелькнул. Он тащил за собой замысловатый плуг, переворачивая пласты земли. «Цивилизация, люди, ура! Первым делом попрошусь в душ. А потом пусть объясняют, какого чёрта здесь происходит», размышляла я в предвкушении.

Ещё спустя час-полтора поезд въехал в большой город. Справа и слева в небо взметнулись многоэтажные здания. Солнце, к этому времени уже успело склониться к горизонту.

Странно, но людей на улицах почти не было. Правда и самих улиц я видела немного – большую часть пути по городу поезд следовал вдали от оживлённых районов. Частенько встречались промежутки пути, где с обеих сторон город был скрыт от моего взора трёхметровым бетонным забором.

Но вот уже слышится скрип тормозов, и останавливаясь между двумя другими составами, мой транспорт в последний раз качнувшись, замирает. С трудом спрыгнув на твёрдую поверхность, слегка прихрамывая, я побрела прочь. Мышцы затекли, к тому же я окончательно промёрзла, и мне необходимо было двигаться, чтобы хоть как-то согреться...

<http://tl.rulate.ru/book/24521/509788>